

«Не знаю, какъ мнѣ начать мое письмо; вы запретили мнѣ употреблять единственное выраженіе, которое само легло бы подъ перо. Но я слишкомъ васъ люблю, чтобъ сердить васъ изъ-за такой бездѣлицы. А потому мое скромное письмо отправится къ вамъ безъ обычнаго вступленія. Вѣрьте, что люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Я и прежде говорила вамъ это и не хочу унижать себя, говоря, что это была неправда. Но я прежде также говорила вамъ, что не могу быть вашей женою. Милый, милый, могу только повторить это. Какъ горячо я васъ ни люблю, я не могу быть вашей женою. Вы просите меня все обдумать и задать себѣ вопросъ: неужели у меня достанетъ духу приказать вамъ не быть счастливымъ. У меня не достанетъ духу позволить вамъ сдѣлать то, что навѣрное сдѣлало бы васъ несчастнымъ.

«На это двѣ причины. Первой, хотя она совершенно достаточно, вы, я знаю, не придадите никакого значенія. Когда я твержу вамъ, что вамъ не слѣдовало бы выбирать себѣ въ жены такую дѣвушку какъ я, потому что мои привычки не подготовили меня къ такому положенію, — то вы иногда смѣетесь, а иногда почти сердитесь. Тѣмъ не менѣе я увѣрена, что я права. Вѣрно, что изъ всѣхъ человѣческихъ существъ бѣдная Маріонъ Фай вамъ дороже. Когда вы называете меня радостью, сокровищемъ, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что все это правда. Сдѣлайся я вашей женою, ваша честь и честность заставили бы васъ быть ласковымъ со мною. Но когда вы убѣдились бы, что я не похожа на другихъ знатныхъ дамъ, то, мнѣ кажется, вы испытали бы разочарованіе. Я прочла бы это въ каждой чертѣ вашего милаго лица и это разбило бы мое сердце.

«Но это не все. Не будь ничего другого, мнѣ кажется, я уступила бы, такъ какъ я только слабая дѣвушка и ваши рѣчи, моя радость, моя жизнь, убѣдили бы меня. Но есть другая причина. Тяжело мнѣ говорить о ней: зачѣмъ было бы васъ этимъ тревожить? Но мнѣ думается, что, если я выскажу вамъ все до конца, то вы убѣдитесь. Мистриссъ Роденъ могла бы подтвердить вамъ мои слова. Мой дорогой отецъ могъ бы сказать вамъ тоже самое, еслибъ онъ самъ не хотѣлъ позволить себѣ думать это, изъ любви къ единственному ребенку, какой у него остался. Мать моя умерла, всѣ мои братья и сестры умерли. Я также умру въ молодости.

«Неужели этого недостаточно? Знаю, что достаточно; а зная это, неужели мнѣ не высказаться передъ вами, не раскрыть вамъ всего моего сердца? Вы позволите мнѣ это сдѣлать; такъ какъ, хотя бы между нами было рѣшено, что мы не-